

6 июня исполнилось 5 лет, как нет с нами Савелия Крамарова. По ТВ регулярно идут фильмы с его участием, иногда по нескольку раз в месяц. По НТВ-Плюс недавно был показан фильм, где актер сыграл свою последнюю роль — уморительно смешного телеграфиста. Известный американский режиссер Уоррен Битти пригласил Савелия не случайно. Добродушный, но нелепый телеграфист, путающий адреса, привносил в фильм добрый юмор, который покорял зал.

Говорят, что юмор — обратная сторона трагедии, а она была в жизни Савелия: он остался сиротой в 16 лет, когда был репрессирован отец, известный адвокат. Обеды по графику у братьев мамы, нищета, полуголодная жизнь, сильнейший туберкулез и другие напасти, одиночество — все это не прошло даром.

Он поступил в Лесотехнический институт — в другие соваться побоялся: вдруг анкеты станут проверять. Когда отца реабилитировали — вновь стал студентом, на этот раз ГИТИСа.

Злые языки приписывали его успех в кино... косоглазию. На самом деле никакого косоглазия у актера не было — было утолщение одного века. Были талант, обаяние и неповторимая, непосредственная улыбка, которые выделяли артиста уже с первых его шагов в искусстве.

...Первая съемка. На улице площадка, огороженная веревкой. Вокруг толпятся любопытные. Кинорежиссер проходит вдоль оцепления и останавливает свой взгляд на Савелии:

— Молодой человек, идите ко мне. Вы сможете сыграть удивление, испуг?

— Не знаю, — откровенно признается Савелий. — Но вообще-то испугаться могу. Когда страшно.

— Сейчас будет страшно, — улыбается режиссер, — когда машина наедет на женщину, вы изобразите испуг.

— Постараюсь, — говорит Крамаров, озирается по сторонам и думает: — Вот подфартило. С живыми артистами стою!

— Дубль пятый! — командует режиссер в темных очках. Машина наезжает на женщину, и раздается крик Савелия:

— Скорую! Быстрее вызовите скорую!

Женщина поднимается с асфальта, потирая ушибленное колено. Режиссер негодует, бросая злой взгляд на Савелия:

— Чего разорался? Искусство требует жертв!

— Ладно, — соглашается новоиспеченный артист, — пусть машина наезжает на меня.

— На кой черт? — выходит из себя режиссер. — Пугайся, но молчи. Понял? Дубль шестой!

Машина снова наезжает на женщину. Савелий открывает рот и выпучивает глаза.

После съемки режиссер обнимает Савелия, ведет к ограждению и протягивает ему трояк.

— За что? — удивляется Крамаров. — Я ничего не сделал. Я подрабатываю на вокзале, разгружаю вагоны с арбузами. Получаю 15 рублей за вагон!

— Ладно, заслужил, получи за работу в кино, — говорит режиссер и докладывает к трояку еще два рубля.

Первый фильм с участием Савелия Крамарова — «Парни с нашего двора» кинорежиссера Юрия Чулюкина. Савелий играет Васку Ржавого, который в душе парень добрый, но подражает старшим — хулиганит и делает это не искренне, а с натугой: неуклюже, через силу, падает с турника с вылезшими на лоб глазами, и публика при его появлении на экране умирает со смеху.

Любимый фильм Крамарова «Друг мой, Колька» стал визитной карточкой артиста. Его начинают снимать все чаще и чаще. И вот первая награда, к стати, она же и последняя — звание Заслуженного артиста РСФСР.

Когда я однажды спросил его о творческих планах, он отпаролотвал:

— Буду копить на Народного!

На телевидении снимают бенефис Савелия Крамарова. Режиссер Е. Гинзбург и редактор Б. Пургалин для первого бенефиса выбрали едва ли не самого популярного в стране комика. Я пишу сценарий.

— Стоп! — говорит мне Савелий. — Слишком длинная фраза. Пиши по-человечески, а не по-эстраднему. Чтобы было несколько слов — и всем все стало понятно. Как в «Неуловимых»: «Мертвые с косами стоят. И тишина».

Сценарий удастся, бенефис становится

ся цикловой передачей, а популярность Савелия растет неимоверно.

Однажды актер заходит в учреждение, где распределяют машины, оставленные в Москве дипломатами. Начальник расплывается в улыбку: «Вам чего, Савелий Викторович?»

— «Фольксваген», белый.

— Но он же четырехместный, — удивляется начальник, готовый выделить ему по крайней мере «Кадиллак».

Первая роль в Театре миниатюр, куда Крамарова привел его наставник по ГИТИСу, режиссер Михаил Раппопорт, имела оглушительный успех. Савелий пришел туда «со своим репертуаром» — рассказом Василия Шукшина «Ванька, ты как здесь» и сам же его на редкость удачно инсценировал.

Актер очень трепетно относился к театру, высоко ценил мастерство театральных актеров. Столь же трепетно он относился и к гениям отечественной литературы.

носе. Маркиз волнуется. У него с минуты на минуту должен родиться ребенок, и он спрашивает звездочета: «Что говорят по этому поводу звезды?» — «Звезды вещают следующее: если у вас родится мальчик, то вы непременно умрете, но если родится девочка, то будете жить очень долго». Вбегает служанка и восклицает: «Маркиз, у вас родился ребенок!» — «Кто?» — «Мальчик!» И тут же замертво падает лакей с подносом.

Савелий хохочет: — Беру! А что-нибудь посовременнее есть?

Я напрягаю память: «По московской улице идет иностранец, заглядывается на церковь и ступает в открытый канализационный люк. Вылезает грязный, промокший и обращается к стоящим рядом рабочим: «Это — нехорошо! Это — опасно! Здесь нужно ставить флажки!» Тогда один из рабочих поворачивается к нему и говорит: «А когда вы подлетали к Шереметьеву, вы видели большой флаг? Он действует на территории всей страны!» Савелий был в восторге. Он и сам был

вого же фильма «Москва на Гудзоне». Ведь я играю там работника КГБ и остаюсь в Штатах. Для американцев очень узнаваемая и комичная ситуация!

Савелия любили и помогали ему в работе Евгений Евстигнеев, Евгений Леонов, Георгий Вичин, Леонид Куравлев. Его коллега по жанру Евгений Моргунов говорил мне: «Савелий Крамаров был удивительным человеком. Он не пил водку — и это у нас в России! Российское кино гибнет без таких творцов, как Петр Олейников, Савелий Крамаров... Однажды он сказал ретивому администратору: «Берегите артистов: они — ваша среда, воздух, которым вы дышите!»

Савелий не забывал друзей. Позвонил как-то ночью Марку Розовскому, чтобы узнать размер джинсов, которые хотел передать ему в подарок...

В Сокольнической больнице от туберкулеза на опасной стадии его вылечила главврач Нина Горячко. Потом она уехала в Израиль. Однажды на пороге ее дома возник Савелий с букетом роз и бутылкой коньяка в руках.

— А где же традиционные конфеты? — спросила она после радостных объятий.

— Я запомнил ваши слова о том, что больные специально дарят врачам конфеты, чтобы они заболели диабетом!

Как-то в Америке Крамаров назначил встречу в лос-анджелесском ресторане «Черное море» приехавшим на гастроли Александру Левенбуку и Александру Хайту, но не явился. Была суббота. Зная, насколько Савелий обязательный человек, они позвонили ему домой. Телефон молчал. Тогда Левенбук поехал к нему. На пороге стоял Савелий с туфлями в руках.

— Сегодня суббота, — объяснил он, — а я — религиозный человек.

— Хорошо, — согласился Левенбук, — но если ты держишь туфли в руках, то почему не можешь взять телефонную трубку?

...В США Крамаров снимался намного меньше, чем в России. Теща, мать первой жены, настаивала, чтобы он в перерывах между съемками работал таксистом. Счастие Савелия, горячо любимая им дочка Бася, названная в честь его мамы, заволновалась:

— Что ты, бабушка, работать таксистом страшно. Папу могут убить.

Как бы ни складывалась жизнь Савелия в Америке, тоска по России не отпускала. Он говорил, приезжая в столицу в 92-м и 94-м, что пребывание в Москве, встречи с друзьями для него — праздник. Когда он появился на Сочинском фестивале «Кинотавр», зрители, соскучившиеся по крамаровской улыбке, буквально взвыли от восторга.

За океаном русский артист жил безбедно. Правда, не хотел вступать в профсоюз, думая, что он походит на наш. Заставила гильдия актеров. И вот через несколько лет он получил от профсоюза письмо с извинениями продюсера фильма, нарушившего договор (роль была сокращена при монтаже и в титрах фамилия была заявлена маленькими буквами вместо обещанных больших). К письму был приложен чек, на который Крамаров вскоре купил себе дом в окрестностях Сан-Франциско. «Самый лучший в мире», — говорил о доме Савелий.

Артиста любила русская эмиграция, с ним дружили Олег Видов, Михаил Шемякин, Анатолий Половец... Но все-таки главный его зритель был в России. Он знал об этом, и поэтому с радостью согласился даже на маленькую роль в фильме Даниила «Настя».

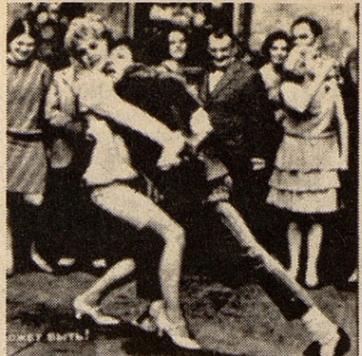
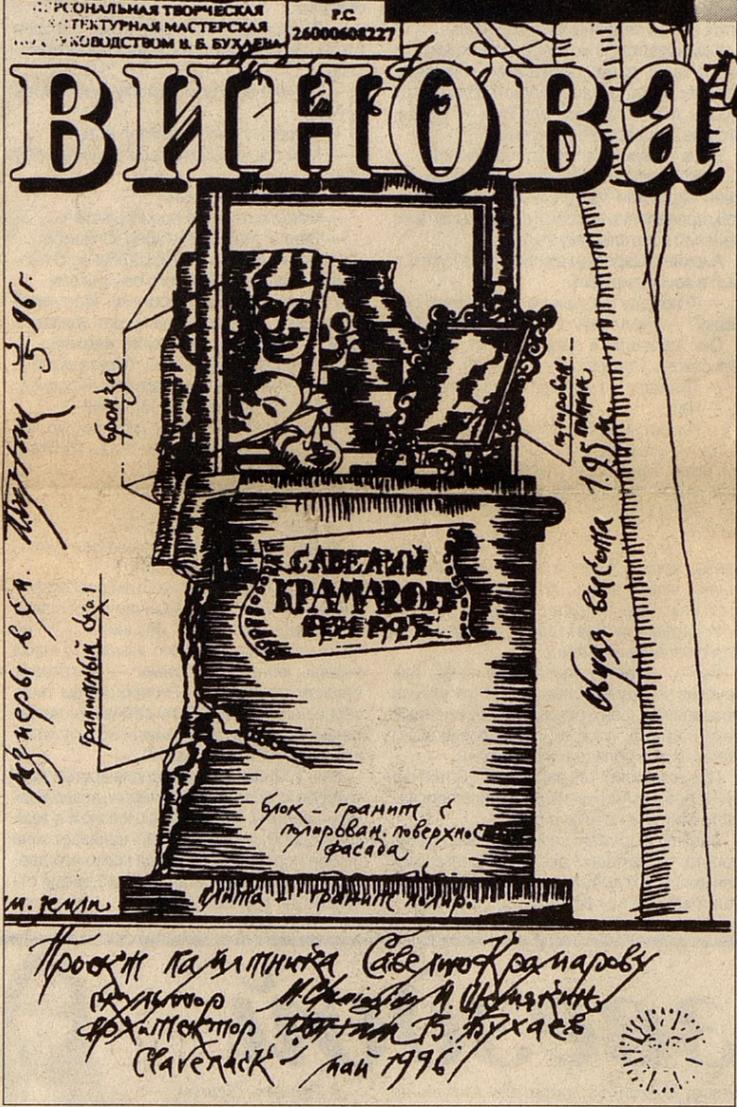
С годами он стал серьезнее, любил философствовать, мечтал сыграть Хлестакова. Но даже неизлечимая болезнь не изменила его улыбку.

Тяжелобольной, он просматривал свои фильмы по видео и незадолго до своего ухода сказал жене: «Ну, я лихо играл, Наташа! И дочери за меня стыдно не будет!»

На его похоронах было 300 человек — по калифорнийским меркам это немало. Вели панихиду Олег Видов и Михаил Шемякин. Там же, на кладбище, они написали письмо в Министерство культуры с просьбой присвоить Савелию Крамарову звание Народного артиста. Ответа не последовало...

Р.С. 29 мая в ЦДРИ, где когда-то артист делал свои первые творческие шаги в самостоятельной студии, прошел вечер памяти Савелия Крамарова.

Без вины виноватый

с большим чувством юмора. Мне запомнилось, как он сказал о себе тогда: «Я снялся в России в тридцати четырех фильмах. Играл придурков, недоумков и подумал, что Америка — страна богатая, сильная, и одним дураком больше станет в ней или меньше — ничего со страной не случится!»

В машине, по пути в Шереметьево, он горько плакал. На голове была кепка его героя из фильма «Друг мой, Колька», которую артист считал своим талисманом.

Ехал Савелий к дяде в Израиль, но мечтал о Голливуде, где он нашел впоследствии пусть небольшую, но свою, нишу. Играл русских, чехов, немцев, поляков, то есть тех, кто говорил по-английски с акцентом.

— Какой акцент у тебя получается лучше всего? — спросил я у него в 1992 году, когда он впервые побывал на Родине после отъезда.

— Русский, — без раздумий ответил он, — но вообще американцы в акцентах не разбираются. Любят веселых артистов. Запомнили меня после пер-

Как-то он прочел тогда еще крамольного Платонова и сразил меня запомнившейся ему фразой из рассказа писателя: «Для того чтобы перепахать поле, не обязательно знать Карла Маркса».

Неожиданно Савелий пришел прощаться со мной.

— Моя творческая жизнь здесь закончилась. За три года — двенадцать съемочных дней. По существу мне перекрыли воздух. Киноверхи считают, что я коверкаю и оглуляю славный образ советского человека.

Я показал Савелию на телефон, мол, прослушивают. Он улыбнулся:

— Что ты! На всех пленки не хватит!

Я стал отговаривать его от отъезда. Ведь здесь он любим и популярен. На его вечерах зрители буквально висят на люстрах.

— А в Мюнхен, на Олимпийские игры развлекать спортсменов не пустили. Почему? И надоело панибратство. Меня в одном образе стали штамповать в кинофильмах, и каждый пьяница считает меня своим. Даже у девушек я ассоциируюсь с теми героями, которых играю. Надоело хамство... К стати, напиши об этом в фельетоне.

Савелий попросил меня написать ему номер для выступления перед эмигрантами. Суть его такова:

Некоторые эмигранты считают, что в Америке показное благодушие, доброта, липовые улыбки, сплошные «о' кей» и «вери гуд», а я считаю, что лучше показное благодушие, чем искреннее хамство». И тут же рассказал мне один из самых популярных американских анекдотов и лицо его вновь озарилось улыбкой: «Жена звонит мужу с курорта: «Как поживает наша кошечка?» — «Сдохла!» — «О, какой ужас! Надо было сначала подготовить меня. Сказать, что наша кошечка сидела на крыше и случайно упала. К стати, как поживает моя тетя?» — «Сидит на крыше!»

Я привожу Савелию несколько своих лучших реприз. Он не принимает их. На память приходит сцена из чешского театра миниатюр, которую я переделал в анекдот: «XVI век. Холл старинного замка. По холлу ходят маркиз и звездочет. За ними шествует слуга с бокалами шампанского на под-

Варлен СТРОНГИН

7.6.2000

Крамаров Савелий

58